

Как далеко простирается моральное право Владимира Путина

Опубликовано 17.11.2007

Ирина Лагунина: В начале этой недели мы делали серию передач о фигуре национального лидера без портфеля. Мы изучили китайскую и иранскую модели. Поводом послужили, конечно же, различные спекуляции на эту тему в России. Но не только. Провести анализ международного опыта подвигли и слова Владимира Путина во время его визита в Красноярск. Напомню это заявление:

Владимир Путин: Если люди проголосуют так же, как вы за «Единую Россию», список которой я возглавляю, это значит, что в принципе подавляющее большинство граждан мне доверяют. А это означает в свою очередь, что у меня появится моральное право спросить всех, кто будет и в думе работать, и в правительстве, за исполнение тех решений, которые намечены сегодня. В какой форме я это сделаю, я пока воздержусь от прямого ответа, но различные варианты существуют. И если это произойдет, произойдет тот результат, на который я рассчитываю, то у меня такая возможность появится.

Ирина Лагунина: Андрей Бабицкий обратился к российским социологам с просьбой прокомментировать выступление президента.

Андрей Бабицкий: Администрация президента давно уже вводит в обиход представление о сакральной природе власти, но в устах президента апелляция к моральному праву властителя прозвучала неожиданно. В октябре 2002 года, заполняя опросный лист Всероссийской переписи населения, Путин указал, что он является работником по найму, оказывающим услугу населению - работает президентом Российской Федерации. Здесь предельно лаконично и определенно выражено отношение к руководителю государства, как к наемному менеджеру гигантской корпорации, перед которым ставятся конкретные управленческие задачи. Его дело - найти наиболее эффективный, с точки зрения функционирования механизма в целом, способ их решения. Путин сказал слишком мало в Красноярске, чтобы делать какие-то окончательные выводы. Но очевидно, что продемонстрированный им взгляд на власть, как на систему, действия которой должны соответствовать нравственному закону, в корне отличаются от той версии, которую он излагал в 2002 году. Доктор исторических наук, социолог Дмитрий Фурман, тем не менее, полагает, что Путин пока не выговорил ничего такого, что точно указывало бы на его намерение не только остаться у власти, но и изменить ее политическое устройство. Сложившаяся в России политическая система управления, считает Дмитрий Фурман, не оставляет большого пространства для эксперимента, невозможно конституировать два отдельных средства власти, собственно государственный и нравственный.

Дмитрий Фурман: Во-первых, здесь нет ничего противозаконного. Предположим, он видит себя лидером «Единой России» и, допустим, спикером парламента. Все равно это в рамках системы законодательной. Мне кажется, что, первое, его речь в Красноярске особенно ничего не прояснила, все остается таким же непонятным, как это было раньше. Первое: неясно функциональное значение этой речи. Ведь для того, чтобы уйти и уйти более-менее спокойно и передать власть спокойно, в нашей ситуации президент должен говорить все время, что я не уйду, я здесь, смены власти не будет. И он это говорил до этого, он сказал еще раз, что он остается. Представим себе, что он этого не говорил, что он говорил, что я по-настоящему уйду. Ведь в стране и в бюрократической верхушке начался бы сумасшедший дом просто. Весь этот период до смены власти и первое время после это был бы период абсолютно нерабочий и сплошной борьбы всех против всех. Поэтому то, что он это говорит - это имеет вполне определенное функциональное значение. И насколько это соответствует его истинным намерениям, одному богу известно. Я вполне допускаю, что он хочет уйти по-настоящему, а не сменить просто пост. Второе: какой бы пост он ни занял, как бы он ни собирался продолжать контролировать, как он говорит будущих руководителей, все равно ситуация возникает очень странная, очень необычная, в российской истории практически не имеющая прецедента. То есть одна власть, с одной стороны власть даже сакральная власть - власть президента страны, и есть некая вторая власть - контролирующая. Вот такого двоевластия не было ни в русской истории, ни в советской истории, ни в постсоветской истории. И как это будет осуществляться на самом деле, одному богу известно. Ситуация эта, по моему, очень объективно неустойчивая.

Андрей Бабицкий: Кроме того Дмитрий Фурман считает, что в далеко не идеальной российской реальности устоявшаяся традиция возлагать ответственность за наличные проблемы на предшествовавших руководителей является своего рода компенсаторным механизмом - она помогает населению мириться с идеей власти как таковой.

Дмитрий Фурман: Отношение к не формальной конституции, а реальной, тоже вещь очень темная. Есть такие примеры военных диктаторов, у них были президенты какие-то гражданские, которыми они руководили, но это военные диктаторы - это опора насилия, которое в любой момент может выйти из казармы. Есть какие-то примеры типа китайского, когда старый руководитель продолжает оставаться, к нему прислушиваются, он играет роль такого, как в наших научно-исследовательских институтах почетный директор. Тоже это очень маловероятно, потому что китайская система очень продуманно, очень планомерно работает, уже налаженный механизм. Откуда этот авторитет, откуда эта сила у него возьмется, я не представляю себе. Давайте вообразим: проходит год, проходит два, где-то начинается легкая критика предшествующего режима. Возникают трудности, предположим, падает цена на нефть. И новая власть начинает оправдываться и говорить, что все это происходит потому, что предшествующая власть не заложила основы. То есть ситуация конфликта мне лично кажется почти неизбежной.

Андрей Бабицкий: Сотрудник Левада-Центра социолог Леонид Седов, напротив, считает, что проблема не в Путине и его желании остаться, президент просто отвечает настроениям общества, которое так и не вышло в своих представлениях о природе власти за пределы патерналистской модели. Однако по последним опросам, говорит

Леонид Седов, российское население все же не готово принять нового национального лидера в архаизированном, откровенно монархическом формате.

Леонид Седов: Конечно, этот разговор переведен в неожиданную плоскость, из плоскости политики в плоскость действительно морали. Но мне кажется, что те настроения, которые существуют в обществе, они действительно наделяют Путина как политика возможностью воспринимать себя и свою роль как опирающегося или роль, опирающуюся на вот эти массовые настроения. Массовые настроения, во-первых, ждут, что действительно останется у власти, большинство людей у нас, что он будет осуществлять функцию жесткого контроля, будет бороться с коррупцией – такие ожидания связаны с ним. Это дает возможность ему делать такие заявления. Что интересно, что мы обнаружили сейчас, что этот форум, который прошел в Тверской области, какие-то заявления, что мы должны будем присягать - вот это поддержкой особенно не пользуется. Третий срок Путина пользуется поддержкой, люди хотят третьего срока. А вот какую-то форму земского собрания, да еще всеобщей присяги, наверное, это люди пока положительно не воспринимают.

Андрей Бабицкий: Дмитрий Фурман считает, что Россия развивается по несколько иной модели, нежели многие деспотии, в том числе и сформировавшиеся на постсоветском пространстве. Путин всеми силами старается избежать обычного варианта сохранения власти путем изменения конституции.

Дмитрий Фурман: Все-таки, что бы мы ни могли предположить, это модельный путь. Модельный путь – это просто изменение в конституции, продолжать править. Это какая-то сложная, непонятная, нам всем неизвестная конструкция. Но то, что это не модельный путь – это просто очевидно. Модельный путь оставаться у власти, и все тут. Зачем нужно городить, когда можно просто взять и изменить конституцию, как делали все. И совершенно справедливо Назарбаев недоумевал: для чего это, кому это нужно? И ответ на этот вопрос дать очень трудно.

Андрей Бабицкий: Дмитрий Фурман полагает, что нынешний российский президент имеет особого рода тщеславие: он хотел бы остаться в памяти соотечественников современным европейским руководителем. Репутация латиноамериканского диктатора или восточного деспота его не прельщает.

Дмитрий Фурман: Моя гипотеза заключается в том, что для него что-то значит вот эта форма, во-первых, конституции. И во-вторых, есть подсознательное, а может быть осознанное желание быть одним из ста существующих на земле в разных странах третьего мира аналогичных президентов. Вот этот курс - курс египетско-сирийско-арезбайджанско-казахстанский и так далее, он ему претит, он хочет чего-то другого.

Андрей Бабицкий: Действительно, говорит социолог Леонид Седов, Путин действует в условиях, где все еще продолжают функционировать отдельные демократические институты. Однако параллельно возникают и развиваются все более диковинные политические инициативы, не имеющие никакого отношения к современным формам существования современного общества и государства.

Леонид Седов: Он остается в рамках 21 века, когда такие вещи, как выборы и прочее, вот эти даже опросы, массовые настроения служат основой легитимизации. Хотя, впрочем, кажется, намерен встретиться с патриархом, вообще с иерархами церкви, заручиться их поддержкой. В общем-то даже поговаривают, что этот форум, который состоялся в Твери, он будет каким-то крестным ходом на Москву, то есть апеллировать к религиозным и традиционным ценностям. Но пока это все на уровне скорее юмористических построений, чем чего-то такого серьезного и реального. Потому что, конечно, если следующим этапом будет не просто власть на какой-то третий срок, а власть пожизненная или даже наследственная, то тогда заиграют традиционные религиозные мотивы.

Андрей Бабицкий: Кроме того, говорит Леонид Седов, очень похоже, что Владимир Путин имел в виду личные проблемы, а вовсе не природу власти. Как избежать угрызений совести, оставшись в Кремле?

Леонид Седов: В данном случае слово «моральный», апелляция к морали говорит о субъективных чувствах Путина, что он, предпринимая какие-то шаги, оставаясь у власти, он не будет чувствовать угрызения совести, потому что это все легитимно, это опирается на волю народа. Поэтому он произносит слово «мораль», чтобы заявить о том, что это для него не будет сопряжено с отступлением от каких-то нравственных норм в какую-то область, где его может совесть замучить и так далее.

Андрей Бабицкий: Россия не единственная страна, которая озабочена поиском аргументов в пользу избранности и особых прав для конкретного политического режима или властителя. В Грузии сегодня идут разговоры о возможности референдума по вопросу о возрождении монархии.